

дворян в статьях 6719 и 6725 гг., восходящих к владимирскому своду Юрия, не могут датироваться позднее 30-х годов XIII в. Иными словами, и эта летописная традиция скорее всего почти синхронно отразила появление интересующей нас терминологии в реальности.

Из сводки фактов видно, что «двор» и «дворяне» гораздо чаще встречаются в новгородских летописях (14 случаев употребления этих слов), чем во владими́ро-московском (4 случая; принадлежность еще одного примера к той или другой традиции остается неясной). Но в государственно-политической и сословной структуре Новгородской феодальной республики института двора не было. Двор и дворяне на страницах НИ — это дворы и дворяне князей владими́ро-суздальских, торопецких, рязанских, южных. Северо-восточному летописанию известны дворяне князей владими́ро-суздальских, рязанских и двор брянского князя (из черниговских Рюриковичей). Следовательно, распространение института двора, а также дворян не ограничено каким-либо княжением или какой-то одной ветвью Рюриковичей. Чем же объясняется указанная диспропорция в употреблении слов «двор» и «дворянин» новгородскими и владими́ро-московскими летописями?

В новгородском летописании (если исключить известия 6776 г.— упоминание ливонских рыцарей; 6856 г.— пересказ Болотовского договора и 6626 г.— статья, заимствованная из свода Юрия) рассматриваемые в статье термины фиксируются в двух типичных ситуациях: 1) при повествовании о военных действиях; 2) при описаниях княжеско-новгородских конфликтов, причем именно последние преобладают (7 из 11 примеров). В этих случаях князь, его двор и дворяне выступают по отношению к летописцу-новгородцу внешней политической силой вне зависимости от того, о каком князе идет речь — изгоняемом из Новгорода или призванном новгородцами. Обособлены князь и члены его двора и потому, что они были лишь одной из структур в государственно-политической системе Новгородской республики. Выполнение членами двора (в том числе и дворянами) функций агентов княжеской власти в Новгороде недвусмысленно фиксируется новгородско-тверскими докончаниями 60—70-х годов XIII в.³³ (а их нормы, по прямому указанию источника, восходили к первой половине столетия) и достаточно ясно прослеживается по приведенным летописным известиям. Так, князь Ярослав в 6723 г., уйдя в Торжок, оставил в Новгороде своего наместника и дворян, конечно, для того, чтобы сохранить свое присутствие в государственном аппарате республики (очевиден и политический аспект — стремление прямо воздействовать на борьбу соперничающих боярских партий). Дворяне князя Святослава, арестованные в 6718 г. в Торжке Мстиславом Удалым, находились там отнюдь не с военной целью (о военных действиях в статье ничего не говорится).

³³ ГВНП. М.— Л., 1949, № 1, с. 10; № 2, с. 11; № 3, с. 12—13.